

зывает Беллони, к молниеносному образованию различных исследовательских групп, включивших в себя представителей самых разных наук: физиков плазмы, ядерщиков, специалистов по частицам, с одной стороны, и электрохимиков, физико-химиков — с другой. Заявив, что «электрохимия — это химия высоких энергий», Флейшман бросил вызов монополизму физики в области фундаментальных наук о природе. Все эти процессы быстрого реагирования на внезапное вторжение «паранормальной» науки в науку «большую» и в науку «нормальную», переплетаясь на ходу с научной политикой, вносят небывалый динамизм в мировую науку. Для Беллони «паранормальность» означает характеристику знания, которое еще не признано в качестве нормально научного (с. 53). На наш взгляд, это условное выражение оправдано в данном случае в той мере, в какой действительно был нарушен классический научный этиос (отсутствие подробного технического отчета, что означает сокрытие немаловажных деталей эксперимента, прямой выход на прессу без предварительного апробирования результатов опытов в независимых лабораториях и т. п.). Впрочем, подобные «парареволуции» в науке вряд ли представляют опасность для необратимого размывания критериев научности, если они впоследствии выходят на «нормальный» уровень, стабилизируются благодаря всплеску вызванных ими исследований, внося

ясность в поднятую проблему. Такие потрясения, как это наглядно демонстрируется в книге Беллони, динамизируют научные общества, сочетая в рабочие группы разных специалистов, ранее даже и не сотрудничавших, перекраивая и разнообразя при этом «карту» междисциплинарных исследований, что может дать в итоге вполне весомые «нормальные» научные результаты, впрочем весьма неожиданные. Именно это и происходит с ХЯС, как об этом можно судить по его дальнейшей истории, не вошедшей в рецензируемую книгу².

Викт. П. Визгин

² См. статью, в которой рассказывается о вкладе советских ученых в эту проблему.

Список литературы

1. Явелов Б. Е., Шапошник С. Б. Открытие высокотемпературной сверхпроводимости // ВИАТ. 1988. № 1, 2.
2. Визгин Викт. П. Ланфранко Беллони. От Ферми к Руббиа. История и политика всемирного успеха итальянской науки // ВИАТ. 1989. № 2.
3. Царев В. Холодный ядерный синтез. Год спустя // Наука и жизнь. 1990. № 3. С. 23.

Словарь польских биологов / Под. ред. Феликсяка С. Варшава: Гос. науч. изд-во, 1987. 618 с.

Słownik biologów polskich / Red. Feliksiak S. Warszawa: PWN, 1987. 618 l.

«Словарь польских биологов» — часть широкого плана исследований Института истории науки, просвещения и техники ПАН, направленных на подготовку фундаментальной «Истории польской науки». Идея создания этого словаря начала реализовываться еще в конце 50-х годов под руководством проф. Б. Скаржинского в Секции истории биологических и медицинских наук Комитета истории науки ПАН. После смерти Б. Скаржинского в 1963 г. над словарем работала большая группа научных работников. Редколлегия подготовила концепцию издания и предложила ее коллективу авторов, завершившему основную работу к 1975 г.

В окончательный текст словаря вошло 1075 биографий. Это представительный список, хотя можно отметить и некоторые пропуски. Так, например, отсутствуют биографии А. Адамкевича, Г. Пиотровского, Г. Фудакковского. Думается, в словаре должен был быть отмечен М. С. Цвет, начавший в Варшавском университете исторические исследования, приведшие к созданию хроматографии.

Словарь желательно было бы пополнить именами ученых, работавших или учившихся за пределами Польского государства. Эти сведения можно почерпнуть из словарей: J. F. von Recke, K. E. Napiersky. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten—Lexikon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Mitau. 1828. Bd. 1; 1829. Bd. 2; Osterreichisches Biographisches Lexicon. 1815—1950. Graz, 1957.

Но все же словарь позволяет получить полное представление о структуре польской биологии, увидеть ее социальный срез на разных этапах сложной, временами трагической истории. Он показывает также, как относительно бывают национальные критерии (например, включенная в словарь биография А. С. Догеля и не включенная — М. С. Цвета) и как причудливо вписывались часто судьбы людей в историю науки разных стран (см. биографию А. Ходкевича, натуралиста и химика, ставшего бригадным генералом в войске Т. Костюшко, участника войны 1812 г., а также Е. Снедяцкого, химика, члена-корреспондента Петербургской академии наук; примерами могут служить и многочисленные биографии польских биологов-эмигрантов).

В словаре мы встретим имена польских биологов — авторов трудов по истории науки (известных лишь узкому кругу профессионалов): А. Адамовича, историка анатомии в

Польше и Литве; Е. Х. Арнольда. Мы узнаем об исследователе Сибири Т. Августиновиче, состоявшем в переписке с И. В. Гёте.

Словарь отражает и трагические моменты истории польской науки. Многие польские ученые погибли в годы второй мировой войны: Е. Адамович при попытке уйти в Советский Союз от наступавших немецких войск; М. Бар был расстрелян немцами во Львове; многие погибли в фашистских лагерях или гетто. В словаре приведены примеры героического сопротивления, попыток сохранить самое ценное для нации — ее интеллектуальный потенциал (см. биографию зоолога и педагога Б. Бартецкой — одной из преподавательниц конспиративных школ и институтов, созданных тайной учительской организацией в годы борьбы с гитлеризмом).

Такие издания, как словари и энциклопедии, оставляют на первый взгляд мало возможностей для совершенствования жанра. Однако составители разработали удачную форму представления биографий. Это не сухая научная биография. Помимо всех обязательных данных там есть сведения о семье. Достаточно полно представлены и чисто научные достижения с указанием важнейших публикаций, тщательно отобранных и точно процитированных. Пристатейная библиография исчерпывающая. В результате создаются биографии, где акцент делается на таких сторонах

деятельности ученого, которые часто, по крайней мере в нашей литературе, выпадали из поля зрения исследователя, а иногда и сознательно опускались. Подчеркивается значение для развития польской науки меценатов Браницких, магнатов и ученых, которые на протяжении нескольких поколений поддерживали множество замечательных начинаний: исследования, путешествия, собрание коллекций, библиотек и архивов.

Следует обратить внимание еще на одну деталь, которую можно назвать психологически невидимой, имеющей большое значение при издании любой книги, а справочного издания в особенности. Это подбор формата книги, расположения полос и, главное, шрифтов. Это искусство (точнее — признак издательской культуры), к сожалению, все чаще исчезает из наших изданий, в том числе и благодаря техническому прогрессу — введению электронной техники и стандартизации, часто в ленивых или неумелых руках превращающемуся в усреднение. Вместе с тем выбор шрифта украшает издание и помогает читателю.

Работа по составлению биографических словарей бесконечна. Хочется надеяться, что в новых изданиях словаря появятся новые имена.

А. Н. Шамин

Н. М. Эмануэль, Заиков Г. Е., Крицман В. А. Цепные реакции. Исторический аспект. / Отв. ред. Ениколопов Н. С. М.: Наука, 1989. 336 с.

Рецензируемая книга — первое монографическое исследование истории и современного состояния учения о цепных реакциях. Теоретические вопросы этого учения — важнейшая часть химической кинетики, а практические приложения — в значительной мере основа химической технологии многих важнейших веществ в XX в.

Авторы выделили четыре периода в развитии учения о цепных реакциях: 1) до 1910-х годов — эмпирические наблюдения и попытки частных теоретических обобщений накопленных фактов (предыстория проблемы); 2) 1910—1920-е годы — возникновение и разработка теории цепных неразветвленных реакций; 3) конец 1920-х — середина 1950-х годов — изучение теории цепных разветвленных реакций; 4) середина 1950-х годов — по настоящее время — превращение учения о цепных реакциях в один из важнейших разделов химической кинетики.

В первых трех главах проводится историко-научный анализ источников начиная с XVII в. до современности (в том числе малоизвестных работ вековой и более давности). Особый интерес представляют результаты анализа экспериментальных и теоретических предположений появления цепных теорий, впервые проведенного в историко-научной литературе (с. 16—67). Также впервые в литературе

приведены архивные материалы, обнаруженные одним из авторов книги в фондах Института химической физики в Ленинградском отделении Архива АН СССР. Институт химической физики возник в системе Наркомтяжпрома СССР в 1931 г. и вошел в систему АН СССР только в 1939 г. Книга вводит в научный оборот интересные архивные материалы о научной ориентации, тематике работ, структуре и штатном расписании Института химической физики в период его возникновения, а также позволяет уточнить условия возникновения крупнейшего в настоящее время научного лидера среди организаций, занимающихся проблемами химической физики и химической кинетики.

Четвертая глава посвящена современному состоянию теории цепных реакций и показывает определенные перспективы развития этой теории. Рассмотрены различные аспекты использования моделей цепных реакций в наши дни (лазеры, биология и медицина, нерадикальные цепные процессы и др.).

Наряду с изложением достижений ведущих отечественных специалистов в этой области освещается вклад зарубежных ученых в разработку проблемы.

В конце книги дано приложение, включающее Нобелевские лекции Н. Н. Семенова и С. Хиншелвуда и доклад М. Боденштейна «50 лет химической кинетики». Последние две работы впервые напечатаны на русском языке. Кроме того, доклад Боденштейна, опубликованный в середине 1941 г., по причинам исторического характера вообще остался практически неизвестным отечественным исследователям.